

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО.

(Военно-судное дѣло 1831 года).

(По архивнымъ даннымъ).

17 Юня 1831 г. Московскаго университета студентъ Поллонинъ донесъ командующему 2 округомъ корпуса жандармовъ генераль-маіору графу Апраксину, что въ Москвѣ составилось общество злоумышленныхъ людей, стремящихся къ испроверженію существующаго въ Россіи порядка и введенію конституціи.

По этому донесенію составлена была въ Москвѣ слѣдственная коммиссія; подъ предсѣдательствомъ Московскаго военнаго генераль-губернатора,—открытыя ею виновныя и прикосновенныя лица были взяты подъ арестъ и затѣмъ по Высочайшему повелѣнію преданы военному суду.

На слѣдствіи и судѣ выяснилось слѣдующее:

1) Отставной губернской секретарь Николай Сунгуровъ (26 лѣтъ), выдавая себя членомъ тайнаго общества, самъ и посредствомъ жившаго вмѣстѣ съ нимъ отставнаго подпрапорщика Гурова склонилъ Московскаго университета студентовъ: Поллонина, Антоновича, Костенецкаго и подпоручика Сѣдлецкаго вступить въ то общество „обольщая ихъ, что получать большое достоинство и богатство“. Объявилъ имъ, что это общество есть остатокъ отъ 14 Декабря 1825 года, что оно имѣетъ цѣлью введеніе въ Россіи конституціи, что оно весьма сильно, т. к. въ него входятъ генераль Ермоловъ и другія военныя лица, говорилъ также и о средствахъ къ завладѣнію Москвою, для произведенія мятежа.

Средства эти состояли въ томъ, чтобы во время оцѣпленія Москвы отъ холеры возмутить фабричныхъ и чернь, разбить питейные дома, освободить всѣхъ арестантовъ, захватить артиллерійскую роту и арсеналь, раздать солдатамъ и черни деньги, взявъ таковыя изъ присутственныхъ мѣстъ, заставить военнаго генераль-губернатора предписать губернаторамъ смежныхъ съ Москвою губерній выслать депутатовъ къ выслушанію конституціи, повѣсить противящихся, разослать по всѣмъ губерніямъ прокламаціи къ народу для возбужденія ненависти къ Правительству, внушивъ для этого народу, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ шелъ въ Россію съ польскими войсками для того, чтобы отобрать всѣхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, сдѣлать ихъ вольными, не брать съ нихъ и съ мѣщанства никакихъ податей и жить всякому для себя, кто какъ хочетъ, и что за это Императоръ заключилъ Цесаревича въ крѣпость, потомъ, составивъ шайку тысячъ въ пять человѣкъ, пойти въ Тулу и взять орудійный заводъ.

Сунгуровъ содержалъ вмѣстѣ съ Французскимъ подданнымъ Бушаромъ, подъ именемъ послѣдняго, въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, ресторацію, по объясненію одного изъ подсудимыхъ-студента Кольрейфа, съ цѣлью узнавать образъ мыслей посѣтителей и сообразно этому привлекать ихъ въ общество.

Условія на которыхъ принимались различныя лица въ общество Сунгурова заключались, между прочимъ, въ томъ, что каждый членъ долженъ былъ избирать трехъ другихъ, тѣ также каждый по три и такъ далѣе и чтобы „никто изъ членовъ не любопытствовалъ узнавать о другихъ членахъ“.

Сунгуровъ сначала не признавался, что былъ членомъ тайнаго общества для введенія въ Россію конституціи и что произносилъ передъ молодыми людьми „возмутительные разговоры“ объяснивъ, что по распространеннымъ въ Москвѣ не благонамѣреннымъ слухамъ распустилъ онъ о себѣ молву, что принадлежитъ къ тайному обществу съ тою цѣлью, чтобы открывъ что либо противузаконное, донести о томъ правительству, подобно тому, какъ онъ донесъ исправляющему въ Москвѣ должность оберъ-полиціймейстера полковнику Муханову о намѣреніи переведенныхъ изъ бывшаго Литовскаго корпуса офицеровъ къ побѣгу въ Литву для присоединенія къ польскимъ мятежникамъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ Муханову и обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и что онъ о принадлежности своей къ обществу говорилъ тремъ студентамъ, которыхъ называлъ и Муханову. Но оказалось, что Сунгу-

ровъ хотя и объявилъ Муханову о намѣреніи упомянутыхъ офицеровъ въ Литву, но уже тогда, когда они отстали отъ общества Сунгурова и рѣшились бѣжать въ Литву. Такимъ открытіемъ, какъ заключилъ военный судъ, Сунгуровъ старался прикрыть настоящія свои дѣйствія. Полковникъ Мухановъ объяснилъ и подтвердилъ на очной съ Сунгуровымъ ставкѣ, что Сунгуровъ плана дѣйствій своихъ ему не открывалъ и ни о какихъ студентахъ ему не упоминалъ. Сверхъ того Сунгуровъ, будучи уличенъ лицами, которыхъ уговорилъ вступить въ общество, самъ потомъ признался, что говорилъ имъ о тайномъ обществѣ, о конституціи и о планахъ предполагаемаго возмущенія, но остался упорнымъ въ томъ, что обо всемъ этомъ онъ говорилъ только съ цѣлью пріобрѣсть ихъ довѣріе для открытія черезъ нихъ тайныхъ обществъ и донести о томъ правительству.

2) Отставной подпрапорщикъ Федоръ Гуровъ (25 лѣтъ) также выдавалъ себя членомъ тайнаго общества, склонялъ молодыхъ людей вступить въ оное, говоря, что общество это есть остатокъ отъ прежняго и цѣль его ввести конституцію, участвовалъ въ разговорѣ Сунгурова на счетъ мятежа и завладѣнія Москвою. Самъ произносилъ дерзкія противъ Правительства слова, оправдывалъ возстаніе Поляковъ и угрожалъ ядомъ тѣмъ, которые вознамѣряются открыть общество Правительству.

Сперва Гуровъ при слѣдствіи признался, что своими разговорами ввелъ молодыхъ людей въ заблужденіе, употребляя предосудительные способы, объяснивъ, что все это дѣлалъ по внушенію Сунгурова, увѣрившаго его въ своей цѣли—открыть черезъ то другія общества и донести о семъ правительству; потомъ показалъ, что „мятежъ происходилъ у нихъ только въ воображеніи, что Сунгуровъ отклонилъ его, Гурова, отъ Бога и вселилъ мысль о неувѣренности къ верховному промыслу, образовалъ изъ него, Гурова, чудовище“.

Сверхъ того представлены были студентомъ Поллонинымъ „гнусные и въ высшей степени богохульные стихи“, писанные рукою Гурова, о которыхъ, хотя онъ и показалъ, что досталъ ихъ въ 1824 году отъ бывшаго студента Полежаева, но потомъ сознался, что стихи написаны имъ подъ руководствомъ Сунгурова.

Во время производства слѣдствія Гуровъ намѣренъ былъ лишить себя жизни, на судѣ же упорствовалъ въ дачѣ отвѣтовъ, отзываясь полнымъ незнаніемъ.

3) Московскаго университета студентъ Яковъ Костенецкій (20 л.)—слыша отъ Сунгурова и Гурова о тайномъ обществѣ и его цѣляхъ, не только не донесъ о томъ правительству, еще, какъ самъ признался, по легкомыслию своему перемѣнилъ благонамѣренныя мысли о правительствѣ, принявъ участіе въ заговорѣ Сунгурова, сообщалъ обо всемъ студентамъ Кашевскому, Кноблоху и Кольрейфу и вмѣстѣ съ ними „домогался узнать отъ Сунгурова обстоятельно объ обществѣ“.

4) Студентъ Платонъ Антоновичъ (19 лѣтъ), слыша отъ Сунгурова о тайномъ обществѣ, о цѣли его ввести въ Россіи конституцію и о средствахъ къ овладѣнію Москвою, не донесъ о томъ правительству, считая это, какъ показала, нелѣпымъ замысломъ. Впрочемъ признался, что когда Поллонинъ совѣтывалъ ему уклониться отъ общества Сунгурова, то назвалъ его, Поллонина, трусомъ.

5) Студентъ Адольфъ Кноблахъ (21 года)*) узналъ сперва отъ Костенецкаго, а потомъ отъ Гурова о тайномъ обществѣ съ цѣлью ввести въ Россіи конституцію и стараясь развѣдать о подробностяхъ онаго, пригласилъ къ себѣ Сунгурова на квартиру и имѣлъ объ обществѣ разговоръ. Кноблахъ показалъ, что не донесъ о слышанномъ правительству, боясь угрозъ Гурова.

При обыскѣ найденъ у Кноблоха писанный имъ дневникъ, въ которомъ были изложены, во первыхъ, дерзкія слова противу особы Его Величества Короля Прусскаго и во вторыхъ мысли, заключающія въ себѣ „восторгъ по случаю возстанія Польши“.

6) Студентъ Павелъ Кашевскій (19 лѣтъ) самъ признался что онъ, прежде нежели узналъ о Сунгуровскомъ обществѣ, имѣя мысли, несоотвѣтственныя существующему порядку вещей, предположилъ составить общество, съ цѣлью ввести въ Россіи конституцію, пригласилъ въ оное подсудимыхъ студентовъ Кольрейфа и Барье и трое они рѣшились начать съ философическаго общества для „лучшаго узнанія людей“, дабы этимъ способомъ достигъ своей цѣли, но по разнымъ причинамъ это осталось неисполненнымъ; также сообщилъ онъ, Кашевскій, объ обществѣ и подсудимому студенту Сандукелію, но нашель его неспособнымъ быть ихъ сообщникомъ.

*) По показанію его—Прусскій подданный.

У подсудимаго Колрейфа найдено при обыскѣ постановленіе, подписанное имъ и студентами Тессинимъ и Кноблохомъ о томъ, чтобы ежемѣсячно у каждаго члена быть засѣданію для выдержанія экзамена, разрѣшенія вопросовъ, чтенія философическаго сочиненія и для отчета—какія каждый сдѣлаеть успѣхи, какъ человекъ и какъ ученый.

Студенты Тессинъ и Кноблохъ изъяснили, что „предметомъ сего установленія было хорошее употребленіе времени для наукъ“.

Далѣе подсудимый Кашевскій признался, что онъ, узнавъ отъ подсудимаго Костенецкаго о Сунгуровскомъ обществѣ и о цѣли онаго ввести въ Россію конституцію, участвовалъ въ немъ, „имѣя зловредную мысль быть врагомъ Россійскихъ установленій по привязанности своей къ Польшѣ и чтобы узнать подробности относительно общества отъ самого Сунгурова, видѣлся съ нимъ у подсудимаго студента Кноблоха.

При обыскѣ найдены у Кашевскаго писанныя имъ черновыя записки, „содержавшія въ себѣ дерзкія мысли противу правительства и клонящіяся къ перемѣнѣ государственнаго правленія“.

Кашевскій показалъ, что читалъ эти записки и нѣкоторымъ студентамъ.

7) Студентъ Юлій Кольрейфъ (18 лѣтъ)*) признался, что онъ, слыша разговоръ подсудимаго Кашевскаго о томъ, что надобно образовать народъ, чтобы сдѣлать его достойнымъ конституціи, согласился составить философическое общество, чтобы узнавать образъ мыслей ихъ друзей, будучи увѣренъ, что Кашевскій найдетъ ихъ негодными для своего плана.

Потомъ узнавъ отъ подсудимаго Костенецкаго о тайномъ обществѣ, о цѣли его ввести въ Россіи конституцію и что оно есть остатокъ отъ общества 1825 г. онъ, Кольрейфъ отправился съ Костенецкимъ къ Сунгурову для узнанія подробностей объ обществѣ и потомъ былъ на квартирѣ у подсудимаго Кноблоха тогда, когда зналъ, что у него будетъ Сунгуровъ, съ которымъ и имѣлъ тамъ объ обществѣ разговоръ. Кольрейфъ признался въ легкомысліи и въ томъ, что не донесъ

*) По показанію его—Саксонскій подданный.

объ обществѣ правительству потому, что не имѣлъ на то никакихъ доказательствъ.

При обыскѣ найдены у Кольрейфа писанныя имъ бумаги, въ которыхъ, между прочимъ, изложены были мысли его „противныя государственному порядку, какъ на примѣръ, та, что монархическое правленіе не есть древнѣйшее и естественнѣйшее“.

Онъ, Кольрейфъ, на счетъ этихъ мыслей принесъ въ военномъ судѣ чистосердечное раскаяніе.

8) Волонтеръ по медицинской части медико-хирургической академіи Оскаръ Барье (19 лѣтъ)*) оговоренъ студентомъ Кашевскимъ въ томъ, что онъ, Кашевскій, предложилъ ему, Барье, составить общество, главною цѣлью котораго было введеніе въ Россіи конституціи, для чего они и рѣшили начать съ философическаго общества „для лучшаго узнанія людей“, но планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Барье противъ сего оговора Кашевскаго въ отвѣтахъ и на очной съ нимъ ставкѣ ни въ чемъ не признался, показывая, что хотя Кашевскій и намекалъ ему о какомъ то заговорѣ, но весьма темно и какъ бы страшась подробностей заставлялъ догадываться.

При этомъ подсудимый Барье объявилъ, что Кашевскій, узнавъ объ арестѣ двухъ его знакомыхъ, отдалъ ему, Барье (какъ и Кашевскій признался) свои бумаги, которыя онъ, Барье, по просьбѣ его скрылъ и потомъ разсмотрѣвъ и увидя, что онѣ заключали въ себѣ мнѣнія его, Кашевскаго, о настоящемъ положеніи Европы и Россіи, сжегъ въ то время, когда Кашевскій былъ взятъ подъ арестъ.

Барье въ этомъ поступкѣ своемъ принесъ въ военномъ судѣ чистосердечное раскаяніе.

Ни доноситель студентъ Поллонинъ и никто изъ привлеченныхъ по настоящему дѣлу лицъ не показали того, чтобъ Барье участвовалъ въ тайномъ обществѣ или хотя бы зналъ о немъ.

9) Своекостный студентъ Алексій Топорнинъ (18 лѣтъ). На него показали подсудимые студенты Костенецкій и Кноблохъ, что онъ

*) По показанію его—Французскій подданный.

зналъ о всѣхъ предпріятіяхъ, изъ нихъ Костенецкій добавилъ, что Топорнинъ, по превосходнымъ качествамъ своимъ изъяснилъ презрѣніе къ Сунгурову, о которомъ только слышалъ, уговаривалъ его, Костенецкаго, „не вступать въ низкое Сунгуровское сословіе“, также и другихъ отклонялъ отъ общества съ нимъ и онъ, Костенецкій о своихъ дѣйствіяхъ ему не говорилъ.

Подсудимый Топорнинъ показалъ, что онъ ни о какихъ злонамѣренныхъ замыслахъ къ составленію общества для введенія въ Россіи конституціи ни отъ Кноблоха, ни отъ Костенецкаго не слышалъ и объ ономъ вовсе не зналъ, Сунгурова и Гурова никогда не видалъ, а только слышалъ, какъ Кноблохъ, говоря о знакомствѣ своемъ съ Сунгуровымъ, находилъ таковое сомнительнымъ и для сего предположилъ узнать нѣтъ-ли тутъ чего противу правительства, дабы донести о томъ послѣднему.

10) Студентъ Иванъ Тессинъ (18 л.), котораго доноситель Поллонинъ подозрѣвалъ въ знаніи о тайномъ обществѣ въ виду дружбы его съ Кноблохомъ, оказался виновнымъ, по собственному его признанію, въ томъ, что слышалъ отъ Кноблоха о существованіи мысли перемѣнить образъ правленія, хотя ничего подробнаго и достовѣрнаго не зналъ и на приглашеніе Кноблоха вступить въ общество—отъ этого отказался. Вышеозначенное объявленіе Кноблоха считалъ нелѣпостію, требовалъ рѣшительно, чтобъ Кноблохъ съ нимъ впредь о томъ не говорилъ; не открылъ правительству, ибо ничему не вѣрилъ и объ обществѣ Сунгурова не зналъ.

11) Московскій мѣщанинъ Юліанъ Пуенсардъ (59 лѣтъ). На него возникло подозрѣніе въ виду найденныхъ у Гурова двухъ писемъ Пуенсарда, въ которыхъ онъ упоминалъ о какомъ то секретѣ и о письмахъ отставнаго поручика Рѣдькина, совѣтывалъ быть осторожнѣе, „держатъ подъ величайшимъ секретомъ свои предпріятія, т. к. ничего незначущая бездѣлица можетъ иногда все опровергнуть“. Но изъ отвѣтовъ его, Пуенсарда, Рѣдькина и Гурова согласно открылось, что одно письмо относилось до порученной Гуровымъ Рѣдькину покупки для Пуенсарда дѣвки, а упоминаемая тайна относилась до намѣренія Сунгурова заложить имѣніе свое въ С. Петербургскомъ опекуномъ совѣтѣ, ибо Сунгуровъ опасался, чтобы не узнали его кредиторы и не воспрепятствовали бы этому¹⁾.

¹⁾ Рѣдькинъ по Высочайше утвержденному заключенію слѣдственной комиссіи—освобожденъ.

Впрочемъ Пуенсардъ при спросѣ показалъ, что хотя онъ съ Сунгуровымъ и Гуровымъ знакомъ и даже у перваго жилъ въ домѣ шесть мѣсяцевъ, но какъ въ то время, такъ и послѣ, ходивши къ нему для полученія своихъ денегъ, онъ никакихъ скопищъ не видалъ и о существованіи тайнаго общества не слыхалъ; описывая же нравственность Сунгурова и Гурова съ самой невыгодной стороны и говоря, что нѣтъ преступленія, котораго они не въ состояніи бы были сдѣлать, Пуенсардъ изъяснилъ, что онъ слышалъ отъ сына своего, находившагося въ г. Моршанскѣ помощникомъ въ аптекѣ, что Сунгуровъ предлагалъ ему 6000 рублей за составленіе яда съ намѣреніемъ отравить свою тетку. Но Сунгуровъ въ этомъ не признался.

Сынъ Пуенсарда и на очной съ отцомъ своимъ ставкѣ, равно и аптекарскій ученикъ Петровъ, при которомъ, по показанію Пуенсарда, говорилъ сынъ его объ означенномъ ядѣ, сего не подтвердили.

12) Отставной Надворный совѣтникъ Дмитрій Козловъ (36 лѣтъ). На него донесъ студентъ Поллонинъ, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу, что по его совѣту положено не имѣть въ ономъ никакихъ бумагъ, и что при избраніи въ члены каждый долженъ пріискать таковыхъ по три, а эти также по три и такъ далѣе.

По открытіи въ Москвѣ 20 Іюня 1831 года по настоящему дѣлу слѣдственной комиссіи, сдѣлано было сношеніе о присылкѣ въ нее Козлова изъ имѣнія его, находившагося въ Тверской губерніи. Но онъ, возвращаясь туда изъ Оренбургской губерніи съ Сергіевскихъ водъ, заѣхалъ въ Рязань, гдѣ знакомые его, какъ самъ онъ показалъ, удивлялись, увидя его, ибо былъ слухъ, что онъ взятъ правительствомъ.

Находящійся въ Рязани корпуса жандармовъ полковникъ Приклонскій донесъ шефу жандармовъ, что Козловъ, видѣвшись съ нимъ, рассказывалъ ему, что въ Оренбургской губерніи готовится возмущеніе съ цѣлью завладѣть частью Россіи по рѣку Волгу и составить тамъ отдѣльное конституціонное правленіе и что въ этомъ обществѣ участвуетъ самъ военный губернаторъ генераль-адъютантъ графъ Сухтеленъ.

Потомъ при отобраніи по сему предмету у Козлова объясненій исправляющимъ должность окружного начальника корпуса жандармовъ генераль-маіоромъ графомъ Апраксинымъ, онъ, Козловъ, письменно изъяснилъ, что въ Оренбургской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ готовится возмущеніе, но справедливо ли это—ручаться не могъ за неимѣ-

ніемъ доказательствъ, а рассказывали ему о томъ камеръ-юнкеръ Шалашниковъ и своякъ его отставной полковникъ Левашевъ.

Однако по донесенію командующаго 5 округомъ корпуса жандармовъ полковника Маслова не оказалось никакихъ видовъ возмущенія ни въ Оренбургской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ. При этомъ Масловъ добавлялъ, что едва ли не самъ Козловъ принадлежитъ къ тайному обществу ибо онъ съ апрѣля 1831 г. взятъ на замѣчаніе по дѣлу Ситникова, изболоченнаго въ злонамѣренномъ поступкѣ. Провѣдомъ же черезъ Казанскую губернію завѣзжалъ Козловъ къ нѣкоторымъ помѣщикамъ, совершенно ему незнакомымъ, гдѣ позволялъ себѣ разсуждать въ неприличныхъ выраженіяхъ о правительствѣ, а затѣмъ, по предположенію Маслова, питая къ Шалашникову и Левашеву злобу за причиненные убытки по откупамъ, содержимымъ ими сообща, изъ мщенія показалъ на нихъ будто слышалъ отъ нихъ о партіяхъ.

Послѣ сего, по доставленіи по Высочайшему повелѣнію Козлова въ С. Петербургъ, онъ и въ учрежденной здѣсь слѣдственной комиссіи. повторяя, что слышалъ о вышеупомянутомъ возмущеніи отъ Шалашникова и Левашева при шуринѣ ихъ отставномъ подпоручикѣ Мельгуновѣ, изъяснилъ, что уличить ихъ не можетъ, не имѣя на то никакихъ средствъ.

По доставленіи въ С. Петербургъ Шалашникова и Левашева, они въ отвѣтахъ и на очной съ Козловымъ ставкѣ не признались въ томъ, чтобы говорили ему или знали что либо о возмущеніи, равно и подпоручикъ Мельгуновъ не подтвердилъ показанія Козлова и изъ нихъ Шалашниковъ добавилъ, что содержа вмѣстѣ съ Козловымъ въ Оренбургѣ питейные откупа, онъ вслѣдствіе понесенныхъ въ 1827 году убытковъ, въ общемъ до 300.000 руб. поссорился съ нимъ; послѣднее ихъ свиданіе было на сѣрныхъ водахъ, гдѣ былъ и разговоръ объ откупахъ.

Когда военный судъ приговорилъ Козлова за ложный доносъ къ смертной казни, то Козловъ, по выслушаніи приговора, въ прошеніи своемъ къ Московскому военному генералъ-губернатору изъяснилъ, что онъ по долгу вѣрноподданнаго о слышанномъ имъ возмущеніи передалъ секретно служившему прежде вмѣстѣ съ нимъ Полковнику Приклонскому, прося у того совѣта какъ поступить, ибо не имѣлъ на то доказательствъ, будучи при этомъ увѣренъ, что таковое объявленіе не поставится ему, Козлову, въ вину, т. е. „желалъ дать мысль предо-

сторожности для открытія истины къ отвращенію зла“, злобы же на Шалашникова никакой не имѣлъ и ссоры у нихъ никакой не было.

Что же касается до тайнаго общества подсудимаго Сунгурова, то по показанію Козлова объ этомъ обществѣ онъ не слышалъ и не зналъ; будучи же знакомъ съ Сунгуровымъ и Гуровымъ, видѣлся съ ними въ Москвѣ не болѣе пяти разъ. Сунгуровъ также удостовѣрилъ, что Козловъ къ обществу не принадлежалъ и онъ, Сунгуровъ, ему о томъ обществѣ ничего не говорилъ.

Подсудимый же Гуровъ сперва объявилъ, что онъ не слышалъ о принадлежности Козлова къ какому либо обществу, видѣлся съ нимъ не болѣе трехъ разъ и хотя желалъ его испытать, но по кратковременному пребыванію Козлова въ Москвѣ не могъ въ томъ успѣть, а затѣмъ показалъ, что Козловъ, узнавъ отъ него, Гурова, также и отъ Сунгурова о тайномъ обществѣ, предложилъ не имѣть въ немъ ничего письменнаго и чтобы каждый членъ имѣлъ нѣсколько своихъ членовъ, а тѣ имѣли бы также своихъ и произносилъ дерзкія слова противу Императорскаго дома. Также читалъ Козловъ на своей квартирѣ ему, Гурову, отрывокъ изъ исторіи фонъ-Галена.

Но Козловъ въ отвѣтахъ и на очной съ Гуровымъ ставкѣ ни въ чемъ не признался, кромѣ того только, что читалъ ему книгу фонъ-Галена и при томъ показалъ, что онъ вовсе не зналъ о Сунгуровскомъ обществѣ, что онъ имѣлъ съ Сунгуровымъ разговоръ касательно состоянія Россіи и Сунгуровъ, двусмысленными словами объяснялся съ нимъ такъ, что сіе ему, Козлову, было чрезвычайно странно; впрочемъ смыслъ клонился къ улучшеніямъ, которыя можно было сдѣлать въ Россіи, что онъ, Козловъ, на таковыя двусмысленныя и непонятныя для него разговоры по легкомыслію и множеству дѣлъ своихъ не обращалъ никакого вниманія, въ чемъ можетъ быть поступилъ неосновательно и неосторожно, но злого умысла не имѣлъ и увѣренъ былъ, что, хотя Сунгуровъ и Гуровъ говорили много лишняго, но далеки отъ преступленія, они же невниманіе его къ тому, что можетъ было дерзко въ словахъ ихъ, сочли знакомъ одинаковаго образа мыслей и соучастія съ ними“.

Впослѣдствіи Козловъ въ прошеніи къ Московскому коменданту изъяснилъ, что Сунгуровъ и Гуровъ, какъ онъ вспомнилъ, говорили довольно дерзко о злоупотребленіяхъ и лихоимствѣ существующихъ во многихъ мѣстахъ, но на счетъ правительства ничего не упоминали.

13) Студентъ Алексѣй Успенскій (21 года). На него показаль бывшій студентъ Шанявскій, что слышалъ отъ него будто въ Московскомъ воспитательномъ домѣ существуетъ „общество“. Но Успенскій и на очной съ Шанявскимъ ставкѣ утверждалъ, что онъ, будучи въ воспитательномъ домѣ у знакомой ему главной надзирательницы-маіорши Геско въ день рожденія ея дочери (какъ и она Геско подтвердила) и выпивъ за столомъ стаканъ шампанскаго вина, когда возвратился въ университетъ въ веселомъ видѣ, то на спросъ Шанявскаго „гдѣ былъ?“—отвѣтилъ—„въ нѣмецкомъ обществѣ“, ибо русскихъ тамъ было только двое, а прочіе всѣ нѣмцы.

Никто изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ не показаль того, чтобы Успенскій участвовалъ въ обществѣ Сунгурова или бы даже зналъ о немъ.

14) Студентъ Викторъ Сандукелій (16 лѣтъ). На него показаль подсудимый Кашевскій, что онъ приглашалъ его вступить въ общество, въ которомъ однако тотъ не участвовалъ; также, что онъ, Кашевскій, читаль ему черновыя записки, содержащія мысли относительно перемѣны государственнаго правленія, но Сандукелій въ томъ не признался и никѣмъ не изобличенъ.

15) Состоящій при Московской губернской гимназіи учитель англійскаго языка иностранецъ Браво (47 лѣтъ). На него показаль студентъ Антоновичъ, что наканунѣ его ареста Браво сказалъ ему, что какая то графиня пожертвовала въ пользу поляковъ 20 милліоновъ рублей и что по предположенію его, Браво, „въ Москвѣ нѣкоторыя за Поляковъ и существуетъ какое нибудь общество“. Но Браво, напротивъ, показаль что о пожертвованіи графинею большой суммы говорилъ ему Антоновичъ, отзывавшійся о полякахъ съ весьма выгодной стороны, почему онъ, Браво, и совѣтывалъ Антоновичу беречься, дабы не отвѣтить за вольныя сужденія.

16) Отставной Коллежскій Регистраторъ Адріанъ Смоленскій (29 лѣтъ) подозрѣвался въ связяхъ съ Сунгуровымъ „по причинѣ управления его имѣніемъ, но при спросѣ ни въ чемъ противузаконномъ не признался и ни кѣмъ въ томъ не оговоренъ. Подвергъ же себя подозрѣнію по настоящему дѣлу, во первыхъ,—по сбивчивымъ показаніямъ объ уничтоженномъ имъ письмѣ Сунгурова и, во вторыхъ, по показаніямъ служащаго въ Москвѣ во 2 палатѣ уголовного суда коллежскаго регистратора Цвѣткова и Капитанши Плехановой, что Смо-

ленскій при возвращеніи съ ними въ Іюль 1831 г. изъ села Царицина, когда узналъ, что присланъ былъ отъ гражданскаго губернатора жандармъ, просилъ Цвѣткова не говорить, что онъ съ ними ѣздилъ и чтобы Цвѣтковъ при допросѣ о немъ не упоминалъ.

17) Французскій подданный Франсуа Бушаръ подвергся подозрѣнію по дѣлу „по связи его съ подеудимымъ Сунгуровымъ, ибо подъ именемъ его, Бушара, содержали оба они вмѣстѣ ресторацію въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту“.

18) Отставной французской службы поручикъ Люксъ—оговоренъ былъ бывшихъ польскихъ войскъ поручикомъ Жабровскимъ въ связи его съ Сунгуровымъ въ виду того, что однажды онъ, Люксъ, отдалъ въ гостинницѣ Бушару золотые часы для передачи Сунгурову „съ осторожностью“. Изъ этого Жабровскій заключилъ, что тѣ часы отданы были „для нѣкотораго тайнаго знака“.

19) Золотыхъ дѣлъ мастеръ Мурръ, по показанію Пуенсарда, „имѣлъ связь съ Сунгуровымъ“. Самъ Мурръ показалъ, что имѣлъ знакомство съ Сунгуровымъ сначала по своему мастерству, а потомъ Сунгуровъ былъ крестнымъ отцомъ его дочери.

20) Смотритель Московскаго Малаго театра отставной штабсъ-ротмистръ Иванъ Никитинъ (39 лѣтъ). На него показалъ Костенецкій, что видѣлъ его у Сунгурова. Никитинъ же показалъ, что онъ съ Сунгуровымъ, кромѣ знакомства по заемнымъ письмамъ, никакой связи не имѣлъ и ничего противузаконнаго отъ него не слышалъ и по дѣлу это не было установлено.

21) Вольный слушатель лекцій въ Московскомъ университетѣ Адрианъ Егоровъ (17 лѣтъ). На него показалъ Сунгуровъ, что и онъ находился въ числѣ студентовъ, посѣщавшихъ его, Сунгурова, которымъ онъ иногда въ разговорѣ давалъ знать, что принадлежитъ къ обществу, но „понималъ ли сіе Егоровъ или нѣтъ, того онъ, Сунгуровъ, не зналъ“. Егоровъ показалъ, что хотя и бывалъ у Сунгурова, но насчетъ тайнаго общества ничего не зналъ.

22) Кандидатъ Московскаго университета Петръ Гилляревскій (34 лѣтъ); 23) отставной капитанъ Павелъ Петровъ (32 л.) и греческій уроженецъ Петръ Пандази—привлечены были къ дѣлу въ виду зна-

комства ихъ съ Сунгуровымъ, но виновность ихъ ничѣмъ не подтвердилась.

25) Бывшій Архангельскій гражданскій губернаторъ дѣйствит. стат. совѣтникъ Филимоновъ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу, вслѣдствіи доноса Поллонина, что Сунгуровъ и Гуровъ вызывали желающаго изъ студентовъ на службу къ Филимонову говоря, т. к. яко бы имѣлъ нужду въ такомъ человѣкѣ, на котораго могъ возложить дѣла, касающіяся ихъ общества. По словамъ Поллонина Сунгуровъ говорилъ также, что если планы общества не исполнятся, то тогда легко можно бѣжать въ Архангельскъ, гдѣ Филимоновъ, какъ самъ членъ общества, заготовитъ имъ корабль и они могутъ ѣхать за границу.

Однако Сунгуровъ и Гуровъ о принадлежности Филимонова къ обществу доноса Поллонина не подтвердили, при чемъ Гуровъ показавъ, что писалъ къ Филимонову всего одинъ разъ по просьбѣ Козлова— не желаетъ ли онъ, Филимоновъ, купить обратно проданную ему, Козлову, деревню. Изъ числа подсудимыхъ студентъ Костенецкій показавъ, что Гуровъ въ доказательство своего могущества говорилъ будто и губернаторъ Филимоновъ состоитъ въ числѣ членовъ общества.

Дѣйств. Ст. Сов. Филимоновъ не сознался ни въ знаніи о тайномъ обществѣ и ни въ какихъ съ Сунгуровымъ и Гуровымъ сношеніяхъ, показывая, что онъ вовсе и не знакомъ съ Сунгуровымъ, а съ Гуровымъ хотя случайно и познакомился еще въ 1825 г., но „не имѣя съ нимъ никакой короткости, потерялъ его изъ виду“; надобности въ показуемомъ студентѣ не имѣлъ, переписки съ Сунгуровымъ и Гуровымъ не велъ, писалъ же послѣдній къ нему однажды письмо касательно покупки обратно отъ Козлова деревни.

За симъ Гуровъ показавъ, что подсудимый надв. совѣтникъ Козловъ говорилъ у Сунгурова будто Филимоновъ вмѣстѣ съ нимъ, Козловымъ, находился во время происшествія 14 Декабря 1825 года, но оба кое какъ отдѣлались.

Козловъ въ этомъ не признался, а Филимоновъ показавъ, что о принадлежности Козлова къ какимъ либо обществамъ не зналъ, знакомъ съ нимъ по случаю покупки у него, Филимонова, деревни; во время же свиданія ихъ разговоръ иногда касался послѣ происше-

ствія 14 Декабря 1825 г. лицъ въ немъ участвовавшихъ и болѣе или менѣ имъ извѣстныхъ.

При разсмотрѣнїи частной переписки Филимонова въ ней не оказалось никакихъ писемъ отъ лицъ, участвующихъ въ Сунгуровскомъ Обществѣ.

26) Къ этому же дѣлу присоединено было въ копїи отношеніе шефа жандармовъ къ Московскому военному генераль-губернатору, что подсудимый Сунгуровъ показалъ на отставного поручика Розе—будто онъ въ разговорѣ съ нимъ о польскомъ возмущенїи сказалъ: „это русская штука“ и показалъ письмо, на которомъ было написано латинскими буквами имя его, шефа жандармовъ, присовокупляя, что онъ, шефъ жандармовъ, держитъ сторону поляковъ и что возмущеніе ихъ есть дѣйствіе тайныхъ обществъ, существующихъ въ Россїи подъ начальствомъ русскихъ вельможъ. Вслѣдствіе этого были разсмотрѣны бумаги Розе, оказавшіяся вовсе незаслуживающими вниманія. Относительно же упомянутыхъ его рѣчей онъ на допросѣ показалъ, что никогда ихъ не говорилъ, почему и былъ освобожденъ изъ подъ ареста и отданъ подъ надзоръ С. Петербургской полицїи.

Военный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло постановилъ: подсудимыхъ Сунгурова и Гурова четвертовать, Костенецкаго, Антоновича, Кольрейфа, Кноблоха, Кашевскаго, Барье, Топорнина, Тессина и Пуенсарда—повѣсить, Козлова разстрѣлять, Смоленскаго, Браво, Успенскаго и Сандукелія—предать волѣ Божїей, Гиллеровскаго, Егорова, Никитина, Пандази, Мурра, Люкса, Петрова и Бушара—освободить отъ суда и всякаго подозрѣнїя. О дѣйст. ст. совѣт. Филимоновъ никакого постановленія судомъ сдѣлано не было.

Генераль—Аудиторіатъ съ своей стороны полагалъ: Сунгурова и Гурова, первого, какъ государственнаго преступника, который прервалъ долгъ вѣрноподданической присяги, дерзнулъ приступить къ составленію тайнаго общества съ злобною цѣлью ниспровергнуть государственный порядокъ и ввести въ Россїи Конституцію, второго, какъ лица, содѣйствующаго Сунгурову въ исполненїи преступнаго его предпрїятїя—сослать въ Сибирь въ каторжныя работы, Студентовъ—Костенецкаго, Кашевскаго, Кольрейфа, Кноблоха—написать рядовыми въ разные отдаленные корпуса. Барье, вмѣня долговременное содержаніе подъ стражей, выдержать еще шесть мѣсяцевъ въ крѣпости въ казематѣ и послѣ отдать подъ особый надзоръ полицїи. Козлова за то,

что по его доносу подверглись преслѣдованію правительства люди, найденные въ послѣдствіи невинными—отправить въ его имѣніе гдѣ жить ему безвыѣздно подъ строгимъ надзоромъ мѣстной полиціи, а предварительно выдержать въ крѣпости въ казематѣ шесть мѣсяцевъ. Прочихъ лицъ всѣхъ отъ суда и взысканія освободить.

На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ генераль—Аудиторіата рукою Императора Николая I-го, 26 Января 1833 г. написано: „быть по сему“.

Сообщилъ Сазоновъ.

